

Владислав Шмидт

Вагончик Левиафана

18+

Владислав Шмидт
Вагончик Левиафана

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шмидт В.

Вагончик Левиафана / В. Шмидт — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вполне реальные события помещены в выдуманную ситуацию. Читая данный рассказ, погружаешься в сюрреалистичный бессмысленный мир. Поезд является целым государством, он пересекает неизвестную местность, а его жители лишь отдаленно напоминают наших современников.

Перед прочтением рассказа, я хотел отметить, что название имеет лишь малое отношение к произведению Гоббса, и тем более не ставлю себя с ним в один ряд. Кроме отсылок и символов, здесь также есть сцены насилия, поэтому просьба, если Вам меньше 18, то лучше прочтите другое произведение.

С уважением, Шмидт.

Поезд пропальвает землю хрущёвским зиккуратом. Группа измотанных трудом, измарианных грязью людей тянут старую локомотивную голову, держась за крюки, тянут её за железные тросы. Пассажиры экспресса именуют их бурлаками. Название им подходит, как ни одно другое, ведь они рабы, рабами сделавшие себя сами, тянущие пирамиду хлада металла исполнинских размеров, но с зассанными подъездами. В ней есть квартирники, много квартирнок с существами избалованными благодетелью предков.

Альберт живёт на пике, с нищими, отбросами, презираемых всеми, где на лестничных клетках нет дверей, а потолок заметно шире пола. И хотя рок юноши был сложен, сосуществовать с падшими к самому устью клина, кое в чём судьба улыбнулась ему. Его отец однажды оказал большую услугу мистеру Смиту. Тот же, испытывая сильное чувство долга, устроил Альберта на место погонщика: работа на поверхности, почти на самой крыше. В экспрессе из ниоткуда в никуда, чем ближе человек к поверхности, тем выше его статус. Смит говорил про случай с Альбертом, что иногда даже свиньи летают. Он видел в этом случайность, несмотря на то, что юноша только лишь благодаря ему работал, а не разлагался на дне пирамиды. Вообще мистер Смит часто пользовался поговорками и пословицами, даже если они не имели никакого отношения к ситуации. Бывало, ему приходилось пускать Альберта в свою квартиру с лестницей в купе наверху. В эти моменты юноша рассматривал небольшую комнату с небрежно сколоченной кроватью из досок, накрытой шёлковыми простынями, сервант без полочек, за стёклами которого расползались друг на друга лавиной стопки вещей. Возле стены под окном, заложённым кирпичом, а снаружи обитым железным листом, стоял письменный стол. На нём располагались тетрадь и три книги, две из которых лежали корешками от входа, и Альберта всегда интересовали их названия. Третья же лежала вместе с тетрадью на самом центре, толстая растрёпанная и с кучей закладок. Чтобы пометить страницы, Смит использовал всё, что попадалось под руку: кусок салфетки, ткани, целлофановый пакет, ярко-фиолетовую линейку, пивную этикетку, маленькую плоскую косточку. На красной твёрдой обложке тиснением было выдавлено название «Пословицы и поговорки всего мира». Каждый день Смит переписывал из неё более понравившиеся в тетрадь. А ещё он каждый раз запрещал Альберту подниматься в купе, хотя у юноши даже не было и мысли об этом. На втором этаже квартиры низкорослый коренастый мужчина с усами-бакенбардами и большой родинкой под левым глазом хранил вещи из прошлого, ставшие редкостью, наподобие смокинга, смартфона с разбитым экраном, нераскупоренного бочонка виски, где на дереве можно разобрать только слово «Scotland». Всё это обсуждалось среди знакомых Смита, вроде кто-то где-то слышал, но никто из них лично там не был. Поговаривали даже, что он обустроил там теплицу, и выращивает экзотические растения. Каждый раз Альберт слышал от него про купе, что счастье любит тишину, хотя юноша и не задавал вопросов о втором этаже. Но Смита мало волновало, задают ли ему вопросы, в принципе, как и мнение окружающих. Если кто-то выражался вразрез с его мыслями, то он отпускал какую-нибудь неуместную поговорку и подмигивал, но возможно это родинка сильно подпирала нижнее веко. Больше этого юноше не было известно о Смите ничего, кроме воспоминания из детства. Когда Альберт был ребёнком, зиккурат кишел революцией, его отец передал через Смита пассажирам верхних ярусов о назревающем перевороте. Естественно, были предприняты незамедлительные меры. Людей избивали, закидывали дымящие вещества в их квартиры, тех, кто пытался вылезти в вагоны, скидывали вниз меж лестничных пролётов. Бедным, средним – негласно низшим классам, – навсегда был перекрыт выход на поверх-

ность. Зиккурат стал их саркофагом. Разумеется, восторга у жителей клина это не вызвало, они быстро нашли того, кто сдал их всех. Альберт хорошо помнил тот день: толпа ворвалась в их квартиру. Ему дали понять, что его очередь наступит позже, и он был оттеснён в угол комнаты, где и был зажат людьми, которые то били, то вдавливали его в стену тазовыми костями или ляхами. Крики родителей от боли были настолько громкими, что казалось, раздирали им глотки. Маленький Альберт был стеснён в угол так, что не мог упасть или сесть. Хотя истерика накрывала его с головой: щёки покраснели от слёз, слизь из носа стекала по губам и вниз по подбородку. Все нервы на лице были схвачены непрерывным тиком, от шока его вопль был похож на несмазанные петли. Неожиданно его схватила рука и силой попыталась вытянуть из толпы, от такого рывка Альберт чуть ли не полностью рухнул на пол, его потащили вдоль стены. Между ног людей мальчик увидел лежащего отца. Он моргал глазами, а губы его едва шевелились. Люди разодрали его брюшную полость, сжимали, вырывали и выбрасывали его органы. Чья-то рука соскользнула, и тот упал на грудь отца Альберта, с треском проломив рёбра локтем. Это был уже труп, любые движения, казавшиеся живыми, были лишь инертны от растерзания толпой. Вытащив Альберта из квартиры, неизвестный рывком поставил его на ноги, и, упёршись рукой в спину, толкал ребёнка вверх по лестнице. Тогда Альберт впервые услышал голос Смита: «Данко хотел осветить путь людям, а ослепил их светом. Жил как собака, и умер как собака». Альберт долго думал над этой фразой, иногда в него вселялась надежда, что его отец был хорошим человеком, просто неудачно сложились обстоятельства, но она часто сменялась опытом общения со Смитом и его особенностью говорить невпопад. Как бы он не хотел выбросить это воспоминание из головы, но общество зиккурата не позволяло ему этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.